

«Глобальное всеобщее
достояние»:
общая мечта
или заблуждение?

Радика Десаи

Об авторе

Радика Десаи

Профессор кафедры политических исследований, директор исследовательской группы по геополитической экономике Университета Манитобы, Канада

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

В современную эпоху распространены дискуссии на тему «глобального всеобщего достояния». Её обсуждают повсеместно, а само понятие «всеобщего достояния» теперь трактуется в гораздо более широком смысле, чем прежде. Так, важной составляющей дискурса, выступающего под идеологией коммунизма, стали попытки применить этот термин к самым разнообразным сферам, от земли и её природных богатств до культуры, равно как и к самым разнообразным ресурсам, от сугубо нематериальных, таких как общедоступные знания, до самых материальных, например, невозобновляемых природных ресурсов. Интернет-активисты называют информацию и знания, накопленные в интернете, «всеобщей цифровой собственностью». Деловые структуры, могущественные государства и международные агентства, опуская вопрос о «всеобщем достоянии» при обсуждении внутривнутриполитических дел, находятся в первых рядах тех, кто оперирует этим понятием на международной арене, применяя его в самом широком ряде областей, от международных вод и воздушного пространства до космоса и киберпространства. Некоторые пытаются применять этот термин только к благам, которые не носят исключительный характер. При этом их употребление одними лицами не мешает их использованию другими ввиду того, что они имеются в изобилии (свежий воздух), либо потому, что их интерпретации еще не совсем всем надоели (например, песня). Впрочем, другие применяют понятие общих ресурсов и к таким «ограниченным» по своей природе благам, как продукты питания, жилье, здравоохранение, школьное и университетское образование, социальное обеспечение, которые, по их мнению, следует распределять по справедливости, а не так, как это происходит сейчас — исключительно на основе свойственных капитализму моделей.

При использовании термина «всеобщее достояние» все эти разновидности дискурса, каждая по-своему, апеллируют к понятиям справедливости и объективности. На левом фланге, например, находится термин «всеобщее достояние» и практика обобществления проистекает из неприятия приватизации и обращения в товар того, чем следовало бы пользоваться на общих началах, будь то лесные ресурсы, пастбищные угодья или бесплатная информация в интернете. Всё больше общественных деятелей и интеллектуалов, относящих себя к левому лагерю, вновь ставят вопрос о «всеобщем достоянии» в центр многовековой борьбы за коммунизм. Для них сейчас это борьба в защиту ресурсов общего пользования¹.

¹ Costas D., Zizek S. (eds). *The Idea of Communism*. London: Verso, 2010; Hardt M. *The Commons in Communism* // *The Idea of Communism* / Costas D., Zizek S. (eds.). London: Verso, 2010. P. 131–144.

С точки зрения левого движения в целом, целью борьбы угнетённых по всему миру стало именно отстаивание общей собственности. Это относится и к сапатистам (Сапатистская армия национального освобождения, Мексика), и к безземельным крестьянам Латинской Америки, и к согнанным с земли членам движения «Нармада Бачао Андолан» в Индии, выступающим против строительства плотин на реке Нармада. Дискурс о необходимости срочных мер по защите окружающей среды также направлен на сохранение нашего общего природного наследия. В то же время, правительства, корпорации и международные организации используют идею «всеобщего достояния» для придания легитимности своим притязаниям на получение доступа к до сих пор нерегулируемым или мало регулируемым сферам².

В сознании народных масс борьба за «всеобщее достояние» ассоциируется с прогрессивными и легитимными чаяниями. Даже немарксисты, в числе прочих, слышаны о состоявшихся в марксистских кругах знаменитых дебатах по отделу VIII первого тома «Капитала»³ и рассматривают через призму изложенных там идей происходившие с тех пор социальные выступления. Впрочем, в этом кроется и причина, по которой вопрос о «всеобщем достоянии» требует более глубокого изучения. Существует, по крайней мере, два пласта ложных толкований, от которых нужно отказаться, прежде чем мы сможем вынести суждение о конкретных трактовках понятий «всеобщего достояния» и обобществления. Во-первых, неправильно истолкован сам термин «всеобщее достояние» и то, как эта концепция соотносится с формами собственности и практикой управления. Во-вторых, не учитывается влияние на проблематику «всеобщего достояния» внутренней политики государств и/или международной политической жизни. Разобраться во всём, что влечёт за собой то или иное требование об обобществлении, и решить для себя, следует ли поддержать их или отвергнуть, мы сможем, только избавившись от всех этих ложных представлений.

Ничья собственность?

Среди современных авторов, на которых часто ссылаются при обсуждении вопроса об общей собственности, можно отметить Гаррета Хардина и его статью 1968 года «Трагедия общин». Отталкиваясь от идей жившего в XIX веке экономиста-мальтузианца Уильяма Фостера Ллойда, Хардин пытается доказать, что человеческий эгоизм неизбежно станет причиной чрезмерного использования общих ресурсов и их истощения. «Трагедия

² Barrett M., Bedford D., Skinner E., Vergles E. *Assured Access to the Global Commons*. 2011. Norfolk, Virginia, USA. URL: http://www.alex11.org/wpcontent/uploads/2013/01/aagc_finalreport_text.pdf

³ Marx K., *Capital*. Vol. 1. London: Penguin, 1867/1977.

общин» разворачивается по следующему сюжету. Представьте себе пастбище, которым могут пользоваться все. Ожидается, что каждый владелец стада постарается загнать на общинную землю как можно больше скота. Веками подобная система работала, в общем, удовлетворительно, поскольку из-за межплеменных войн, незаконных промыслов и болезней количество людей и животных было явно недостаточным, чтобы истощить продуктивные возможности земли. Однако рано или поздно приходит час расплаты: момент, когда желанная цель – социальная стабильность – становится реальностью. На этом этапе объективная логика эксплуатации ресурсов общего пользования беспощадно порождает трагедию⁴.

Но уже вскоре после выхода статьи Гаррета Хардина (1968) его взгляды на «всеобщее достояние» подверглись критике⁵. Указывалось, что Хардин трактует это понятие как «собственность каждого», а значит это то же самое, что и ничья собственность. Однако исторически ресурсы общего пользования всегда регулировались сложными институциональными отношениями, в силу которых за конкретными пользователями на определенных условиях закреплялись права, тогда как возможность доступа других лиц к этим благам исключалась. «Всеобщее достояние» представляло собой чётко определённую форму собственности определённой группы людей, которые использовали её с определённой целью и на определённых условиях. Если же у каких-то пользователей появлялись стимулы к чрезмерной эксплуатации общих ресурсов, то виной тому были недостатки с точки зрения структуры собственности и управления ею. В ответ на критику Хардин признал, что в своей работе он писал не о несостоятельности концепции «всеобщего достояния» в целом, а о «трагедии неэффективного управления общими ресурсами»⁶.

Несколько позднее Элино́р Остром⁷ получила Нобелевскую премию за фундаментальное эмпирическое исследование по проблематике «всеобщего достояния», в котором показан процесс формирования по всему миру огромного разнообразия институциональных форм управления общими природными ресурсами. Исследователь также обратила внимание на ряд условий, необходимых для того, чтобы режим управления общей

⁴ Hardin G. *The Tragedy of the Commons* // *Science (New Series)* 162. 1968. No. 3859. December. P. 1243–1248.

⁵ Ciriacy-Wantrup S.V., Bishop R.C. *Common Property as a Concept in Natural Resource Policy* // *Natural Resources Journal*. 1975. No. 15. P. 713–727.

⁶ Hardin G. *Tragedy of the Unmanaged Commons: Population and the Disguises of Providence* // *Commons without Tragedy: Protecting the Environment from Overpopulation: A New Approach* / Andelson R.V. (ed). London: Shephard-Walwyn, 1991. P. 162–185.

⁷ Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990.

собственностью функционировал, не истощая ресурсы общего пользования. К таким условиям относится чёткое обозначение обладателей прав на пользование «всеобщим достоянием», определение объёма и природы этих прав, а также механизма функционирования структур самоуправления, включая санкции за нарушения, а также некоторые другие условия.

Наконец, совсем недавно появилась ещё одна важная работа по вопросу о «всеобщем достоянии» как историческом феномене и его трактовке. Питер Линебог⁸ ярко и содержательно рассуждает на тему о том, что с «всеобщим достоянием» связаны процессы как исключения и лишения, так и включения. Соответственно, дискурс о «всеобщем достоянии» заложил основу режимов неравноправия, на которых зиждется современный капиталистический мир и присущий ему международный порядок. Линебог указывает, что Великую хартию вольностей 1215 года, которая ограничила власть монарха и гарантировала нерушимость прав свободных подданных королевства, обычно считают основополагающим документом, который позволил сделать свободу главной ценностью современного мира. Однако в 1225 году был также принят другой, не менее важный документ – Лесная хартия, обеспечивавшая местным жителям доступ к общим пастбищам и лесным угодьям. Из этих двух хартий, направленных на сохранение народных обычаев и практик, вторая была полностью забыта, тогда как первая легла в основу института частной собственности, по сути став орудием исключения и неравноправия.

Декларация о независимости США, которую также принято считать документом, обеспечивающим права простых людей, была, по мнению Линебога, «документом о приобретении», лишившим целые народы земель, на обладание которых у них в процессе этногенеза и на протяжении истории США были такие же права, как и у любого другого народа⁹. «Институт частной собственности является ключом к пониманию Великой хартии вольностей», – отмечает Линебог¹⁰. По иронии судьбы, считает автор, укрепление самовластия происходило благодаря документам, принятым с целью его ограничения. Однако ирония улетучивается в момент осознания того, что прав без собственности и управления не существует, и что даже режимы собственности и управления, подразумевающие самые широкие формы участия, содержат наравне с процессами включения механизмы исключения.

⁸ Linebaugh P. *The Magna Carta Manifesto: Liberties and Commons for All*. Berkeley: University of California Press, 2009.

⁹ Van der Pijl K. *Nomads, Empires, States: Modes of Foreign Relations and Political Economy*. London: Pluto, 2007.

¹⁰ Linebaugh P. *The Magna Carta Manifesto: Liberties and Commons for All*. Berkeley: University of California Press, 2009.

Таким образом, научная литература по вопросу о «всеобщем достоянии», несомненно, позволяет лучше понять этот феномен. Однако в силу широко распространённого среди левых предубеждения в отношении государственного участия, организации и управления, а также в силу неолиберальных предрассудков, которые доминируют в современном дискурсе, можно сделать вывод, что значение этих достижений ещё не вполне осмыслено даже учёными, занимавшимися этим вопросом.

Государство, организация и управление

Особенно важно разобраться в этой проблеме в XXI веке, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, хотя мнения относительно «всеобщего достояния» прошли путь от утверждений о неспособности обеспечить сохранение природных и других элементов общего наследия человечества до заявлений об их почти универсальной пригодности в реализации этой задачи, проблемы, которые ставятся в ходе дискуссий по вопросу о «всеобщем достоянии», остаются прежними: это опасения конкурирующих претензий на ресурсы, права на которые либо размыты, либо оспариваются. И так было не только в случае с Великой хартией вольностей, Лесной хартией и Декларацией о независимости. Сейчас мало кто помнит, что в основе работы Хардина, а также вдохновившего его труд Уильяма Фостера Ллойда, лежала обеспокоенность проблемой роста народонаселения и потенциального спроса на ресурсы планеты.

Хотя в наши дни демографы далеко не так категоричны, как мальтузианец Хардин,¹¹ не вызывает сомнения, что Запад всерьёз озабочен проблемой своего доступа к мировым ресурсам. Впервые в новой и новейшей истории притязания Запада на сырьевые ресурсы всего остального мира оказались под угрозой. Эти притязания прежде удовлетворялись за счёт колониального и империалистического господства, а после деколонизации большей части колониального мира — за счёт тех или иных видов формального и неформального господства, известного как политика неокolonизма, в том числе при содействии стран с колониями западных поселенцев, которые также составляют значительную часть Запада. В силу действия

¹¹ Baird V. *The No Nonsense Guide to Population*. Oxford: New Internationalist Publications, 2011.

исторической диалектики неравномерного и смешанного развития¹² — в отношениях между господствующими странами, стремящимися средствами колониализма и неоколониализма сохранить взаимодополняемость своей промышленности и продукции с высокой добавленной стоимостью и сырья или продукции с низкой добавленной стоимостью, производимых всем остальным миром, и странами-претендентами, стремящимися к равноправию на основе индустриализации, проводимой под руководством государства¹³, — бывшие колонии и полукolonии впервые в истории капитализма бросают вызов господству традиционных центров капиталистического накопления и тем самым начинают сдвигать центр тяжести мировой экономики в противоположную сторону.

Более того, в результате такого сдвига утверждается не просто порядок, широко известный как многополярный, а скорее система, которую Уго Чавес назвал «плюралистической многополярностью», то есть состоящая из многочисленных центров производительной, политической и военной мощи, функционирующих на весьма разных принципах, в частности таких, что не просто отличаются от принципов западных держав, а прямо им противоположны.

Хотя вышесказанное в большей степени справедливо применительно к Китаю, социалистические и некапиталистические страны вроде Кубы и Венесуэлы, пусть и отставая в экономическом развитии, обладают немалым весом в политическом и культурном отношении. Кроме того, существует целый ряд стран, включая Россию, Индию и Бразилию, но не только их, с быстроразвивающейся экономикой, где имеются свои собственные исторически сложившиеся экономические уклады, и где упования народных масс серьёзно ограничивают использование государственной власти только в интересах западной, глобальной, или даже национальной капиталистической элиты. Это означает, что существуют не только соперничающие группировки, претендующие на контроль над мировыми ресурсами, но также и государства, которые всё больше заявляют о своих притязаниях и ставят под сомнение западные принципы. В связи с их подъёмом потребуются, чтобы при обсуждении вопроса о доступе к «всеобщему достоянию» были приняты в расчёт специфика каждого отдельного ресурса, разница в потенциалах претендентов, возможный характер их изменений в будущем, а также множество других специфических факторов.

¹² Trotsky L. *The History of the Russian Revolution*. London: Gollancz, 1934.

¹³ Desai R. *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto, 2013; Desai R. *Geopolitical Economy: The Discipline of Multipolarity*. Valdai Club Paper no. 24. 2015. Valdai Discussion Club.

Во-вторых, важно отказаться от ложных представлений о «всеобщем достоянии», в частности, о причинах устойчивого нежелания признать первостепенное значение вопросов собственности и управления. Ведь дискурс об общей собственности порождается, в основном, левыми кругами западных стран, причём даже в тех случаях, когда речь идёт о содействии незападным группам населения и их борьбе, в том числе безземельным общинникам, крестьянам, женщинам и другим. В этой связи необходимо отдельно остановиться на судьбе левых сил на Западе на протяжении последних десятилетий.

Общеизвестно, что мировой кризис 1970-х годов, проявившийся по-разному в разных странах, привёл к появлению новых правых, исповедовавших неолиберализм (т.е. экономический либерализм) в сочетании с социальным и культурным авторитаризмом¹⁴. Реже вспоминают, что левые партии также сдвинулись вправо, породив такие феномены, как блэризм и клинтонизм – беспрецедентные с исторической точки зрения сочетания неолиберализма и социального либерализма, скаречно-карательной экономической политики неолибералов и вольных социальных воззрений на вопросы пола, расовой принадлежности, сексуальной ориентации и идентичности, ограничиваясь при этом культурным и социальным признанием, не затрагивая каких-либо реальных изменений.

Левые силы ещё никогда не представляли в таком свете, поскольку на протяжении более ста лет левое движение на Западе представляло собой сочетание рабочего класса и значительного, часто доминирующего, слоя интеллигенции¹⁵. В наше время эта прослойка высокообразованных интеллигентов разрослась и превратилась в профессиональный, как никогда многочисленный средний класс. Благодаря структуре современного общества, которое содействовало повышению роли среднего класса в государстве, общественных организациях, а также в предпринимательстве и частном секторе, члены этого разросшегося класса хорошо устроились в жизни, выгодно трудоустроились и получают высокие, а порой и очень высокие доходы. С профессионализацией политики¹⁶ этот класс разделился почти поровну. Те его члены, что занимались предпринимательством и работали в частном секторе, стали тяготеть к правым партиям, а те, кто работал в государственных

¹⁴ Desai R. *Neo-Liberalism and Cultural Nationalism: A Danse Macabre* // *Neo-Liberal Hegemony: A Global Critique* / Plehwe D., Walpen B., Nuenhoeffer G. (eds.). Routledge, New York, 2006. P. 222–235.

¹⁵ Desai R. *Intellectuals and Socialism: 'Social Democrats' and the British Labour Party*. Lawrence and Wishart, London, 1994.

¹⁶ Mair P. *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. London: Verso, 2007; Mair P. *Ruling the Void: The Hollowing out of Western Democracy* // *New Left Review*. 2006. No. 11/42. November–December.

учреждениях, структурах социального обеспечения и общественных организациях — к левому флангу. И те, и другие сыграли определённую роль в переориентации своих партий в сторону правого фланга, обрубив связи с социальными слоями, которые такие партии якобы представляли.

Именно этот сдвиг привёл к дискредитации политического истеблишмента в глазах электората как левых, так и правых партий, в руководстве которых теперь преобладают представители профессионального среднего класса. Как мы увидим на примере типичного дискурса левых сил по вопросу о «всеобщем достоянии», этот сдвиг не мог не повлиять на течения, находящиеся на политическом спектре слева от партий блэризма/клинтонизма.

Государство и политика в дискурсе по вопросу о «всеобщем достоянии»

Хотя идея о том, что «всеобщее достояние» представляет нерегулируемое пространство, с которым всякий может делать всё, что ему заблагорассудится, утратила свою популярность в общественно-политическом дискурсе, на левом фланге остаются авторитетные интеллектуалы, продолжающие использовать термин «всеобщее достояние» не для обозначения специфического и весьма сложного типа собственности, а чтобы подчеркнуть отсутствие каких-либо отношений собственности. По их мнению, «всеобщее достояние» составляет фундамент строительства коммунизма.

Среди сторонников такой точки зрения можно отметить Майкла Хардта и Антонио Негри¹⁷. По их мнению, коммунизм следует понимать как сопротивление приватизации «всеобщего достояния». При этом их не интересует историческое значение этого термина, а заодно и понятия «коммунизм». Они настаивают лишь на том, что эти понятия не должны иметь ничего общего ни с государством, ни с политическими партиями. Они отвергают как «теории коллапса», которые «предусматривают крах капитализма в результате катастрофических кризисов, после которых народится новый экономический порядок, как бы восстающий в готовом виде из пепла своего предшественника», так и «концепцию перехода к социализму, предполагающую передачу

¹⁷ Hardt M., Negri T. *Commonwealth*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2009.

материальных ценностей и контроля над собственностью из частных рук в руки общественности, усиление государственного регулирования, контроля и руководства общественным производством». Таким образом Хардт и Негри разъясняют, «условия какого перехода мы разрабатываем». Для этого перехода «необходима растущая автономия массы», то есть действующей силы, которая, по их замыслу, займёт место партии или любого другого организованного коллектива, претворяющего в жизнь их версию коммунизма, «взяв на себя функции частного и общественного контроля; обеспечив преобразование социальных субъектов посредством образования и обучения приёмам сотрудничества, коммуникации и организации социального общения; таким образом и будет идти по нарастающей накопление навыков совместного бытия»¹⁸. Факт сопротивления неолиберальной приватизации «всеобщего достояния» не должен означать, что «единственной альтернативой частному является общественное, то есть регулируемое силами государства и прочих правительственных структур»¹⁹.

У Хардта и Негри «всеобщее достояние» включает в себя, с одной стороны, «все богатства материального мира — воздух, воду, плоды земли и всё изобилие природы, — которые в классических европейских трудах о политике часто называются достоянием человечества, подлежащим совместному использованию», а также «результаты социального производства, необходимые для социального взаимодействия и дальнейшего производства, например, знания, языки, коды, информацию, эмоции и устремления и так далее» — с другой²⁰. Примечательно, что здесь не учитываются наиболее традиционные компоненты, свойственные коммунизму: товары и услуги, реально произведённые каждой отдельной экономикой. По всей видимости, они не относятся к «всеобщему достоянию» и обобществлению не подлежат. Можно лишь предположить, что эти товары и услуги будут производиться и распределяться (капиталистической) экономикой в её современном виде, существующей за пределами такой трактовки коммунизма.

Хардт обосновывает это новое воззрение на коммунизм на основе альтернативного прочтения двух отрывков из работ Маркса: раздела «Частная собственность и коммунизм» из «Парижских рукописей» 1844 года и выдержки из заключительной части первого тома «Капитала». Относительно первого Хардт замечает, что Маркс ставит знак равенства между коммунизмом и упразднением частной собственности, но тут же делает оговорку, которая показалась бы невероятной не только Марксу, но и любому

¹⁸ *Ibid*, p. 311.

¹⁹ *Ibid*, p. VIII.

²⁰ *Ibid*.

здравомыслящему человеку, а именно, что это означает не замену её [частной собственности] любым другим видом общественной или общей собственности, а «отмену ... собственности как таковой»²¹. Хардт приводит слова Маркса: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем»²², и задаёт в этой связи целый ряд вопросов: «Можно ли считать, что нечто является нашим, когда мы им не владеем? Что означало бы рассматривать нас самих и наш мир не как собственность? Превратила ли нас частная собственность в таких глупцов, что мы этого не замечаем? *Маркс ищет здесь «общее»*. Открытый доступ и совместное пользование есть признаки обобществления, а это находится за пределами отношений собственности и им враждебно. Мы настолько оглупели, что видим в этом мире только частную и общественную собственность. Мы утратили способность видеть «общее»²³.

Таким образом, Хардт игнорирует разницу между отменой частной собственности – исторической формы собственности, которую доктор юриспруденции Маркс считал врагом человечества и препятствием на пути исторического прогресса, – и отменой собственности как таковой во всех её формах, будь то личная, общественная, общая или общенародная.

В других своих работах мы прослеживали, каким образом такая концепция «всеобщего достояния», появившаяся на свет в результате неверного толкования идей Маркса, сочетается с неверным толкованием других аспектов теоретического наследия Маркса, включая положение об обобществлении труда (ошибочно принимается за неконтролируемую кооперативную деятельность) и о человеческом труде (представляется в качестве «основного капитала» в системе «невещественного» капитализма наших дней). Хардт и Негри стремятся подвергнуть пересмотру концепцию «всеобщего достояния» с тем, чтобы поставить людей, подобных им самим, то есть в центр любой деятельности левых сил, якобы направленной на установление коммунистического строя за счёт распространения режима «всеобщего достояния» на всё новые области, что созвучно расширению сферы деятельности интеллигенции при капитализме²⁴.

²¹ Hardt M. *The Commons in Communism // The Idea of Communism / Costas D., Zizek S. (eds.). London: Verso, 2010. P. 139.*

²² Marx K. *Capital. Vol. 1. London: Penguin, 1867/1977. P. 351.*

²³ Hardt M. *The Commons in Communism // The Idea of Communism / Costas D., Zizek S. (eds.). London: Verso, 2010. P. 131–144.*

²⁴ Desai R. *The New Communists of the Commons: 21st Century Proudhonists // International Critical Thought. 2011. June. P. 204–223.*

Оставив в стороне напыщенное лицемерие этой затеи, заметим, что в их концепции «всеобщего достояния» не учитываются следующие два обстоятельства. Во-первых, земля, культура и язык могут рассматриваться как «общее» лишь в той мере, в которой они не защищены режимами прав собственности, или в тех случаях, когда такие режимы хоть и существуют, но слишком слабы. Во-вторых, для их защиты необходимо выработать правила доступа и пользования, и такие правила должны быть созданы и претворяться в жизнь государством. При феодализме с его политической раздробленностью такие режимы неизбежно носили локальный характер. В условиях современного капитализма это не так, и вряд ли такое возможно на ранних этапах социализма и коммунизма.

Сегодня не существует способов защиты режимов общей собственности от хищнических притязаний негосударственных субъектов. Отказав государству в праве играть хоть какую-то роль на этом поприще, Хардт и Негри отдают на откуп таким субъектам все природные и культурные ресурсы. Более того, отвергнув такую форму коллективной самоорганизации, как политическая партия, они оставляют тех, кого беспокоят хищнические нападки на общую собственность, без какого-либо действенного орудия сопротивления. Как их воззрения на коммунизм сводятся всего лишь к желанию жить по-старому в капиталистическом обществе, так и их взгляды на борьбу с хищническим поведением корпораций соответствуют их повседневной линии поведения. Эта линия подразумевает показное осуждение злодеяний корпораций, которое сводится разве что к демонстрации политического благочестия на фоне охотного подчинения власти корпораций.

Этих «новых коммунистов» и поборников «всеобщего достояния», по нашему замечанию, можно считать прудонистами XXI в. Они вышли из рядов новой мелкой буржуазии — класса дипломированных профессиональных управленцев, тогда как прудонизм XIX в. был идеологией традиционной мелкой буржуазии и мелких собственников. К ним правомерно применить ту же критику, какой в середине XIX в. Маркс подверг Пьера-Жозефа Прудона: они поносят крупную собственность, но отказываются видеть органическую связь между крупной и мелкой собственностью и воображают, будто им нет нужды обеспечивать переход [от капитализма к социализму], который, как они надеются, произойдет сам собой в результате неизбежного распространения повседневных практик, в которые они и без того вовлечены. По сути, в соответствии с этим видением, капитализм переименовывается в социализм²⁵.

²⁵ Desai R. *The New Communists of the Commons: 21st Century Proudhonists // International Critical Thought*. 2011. June. P. 204-223.

Хотя у подавляющего большинства граждан, в том числе у социалистов, на подобные донкихотские идеи нет времени, причина, по которой доводы «новых коммунистов» кажутся убедительными их немногочисленным последователям, кроется в том, что предубеждение против любой серьёзной социалистической политики приобретает именно тот вид, какой Хардт и Негри придают своему варианту коммунизма, пропитанному отвращением к любой форме управления и организации в политике. В качестве наглядного примера такого подхода можно привести концепцию «всеобщего достояния» Элинор Остром. Её примеры общей собственности относятся к малым общинам, для жизнедеятельности которых, по-видимому, не нужны государственные правовые структуры и правоохранительные органы. В своей работе Остром не оспаривает неолиберальный консенсус (разделяемый основными представителями правых и левых политических сил), направленный против государства и политических партий. Подобные режимы собственности могут существовать в пустотах общества, но они не в состоянии бросить вызов засилью капиталистической собственности и производственных структур.

Cui Bono?

Очевидно, что всё более широкое использование термина «всеобщее достояние» привлекает внимание к некоторым важнейшим реалиям, связанным с процессами распределения благ и прав на доступ к ресурсам как внутри отдельных стран, так и в мире в целом. В мировом масштабе существуют обширные области — окружающая среда, культура, космос, радиоволны и так далее, — которые, как все согласятся, представляют собой общее наследие человечества. Но до сих пор, по причине воздействия «имперских» или «глобальных» (выбор термина остаётся на усмотрение читателя) сил, человечеству либо не разрешали операционализировать эту идею, либо в этом не было необходимости ввиду изобилия ресурсов и отсутствия нужды в их регулировании.

Но долго так продолжаться не может: ведь, господству Запада брошен вызов, человеческая деятельность всё глубже и активнее проникает в эти сферы, и всё больше людей заявляют свои законные права на эти ресурсы. Именно это подразумевает в международном плане повышение частоты употребления термина «всеобщее достояние». Однако решению этой проблемы мешает сосуществование в общественном пространстве множества

трактовок понятия «всеобщего достояния» с фантазиями на тему неуправляемой общей собственности или признанием только стихийных форм такого управления. Ввиду этого, необходимы новые или обновлённые управленческие структуры, о которых договорятся государства и в сотрудничестве друг с другом будут обеспечивать эффективное управление. Кроме того, нужно заново и более справедливо, чем когда-либо в современной истории, распределить права на доступ к этим ресурсам. А это не такая уж простая задача.

Во внутренней политике термин «всеобщее достояние» применяется в контексте борьбы за предотвращение истощения или выхолащивания общих культурных и природных ресурсов: будь то обеспечение для рядовых граждан доступа к источникам чистой питьевой воды или более «свободному» интернету. Кроме того, под это понятие подпадают и исключаемые блага. Возникают всё новые вопросы относительно их распределения. Это может объясняться тем, что идея общего или совместного потребления растущего объёма товаров и услуг (продукты питания, жильё, услуги здравоохранения, образование, транспорт и т.д.) всё более популярна во многих обществах, как богатых, так и бедных, так и тем, что под влиянием технического прогресса сокращается число рабочих мест. В этой связи такие идеи как введение базового дохода свидетельствуют об обособлении вопроса о достойной жизни от необходимости трудоустройства.

Однако, как свидетельствуют результаты исследовательского проекта, осуществлённого в Германии Фондом Розы Люксембург (Rosa-Luxemburg-Stiftung), не следует забывать, что «всеобщее достояние» всегда кем-то управляется, что его использование подразумевает процессы как включения, так и исключения, и что возможность извлечения пользы и её объём определяется соответствующими структурами управления. Все эти моменты необходимо иметь в виду²⁶. В конечном счёте «всеобщее достояние» — это всего лишь один из видов собственности — безусловно, более демократический, более справедливый, более экологически устойчивый — но всё же вид собственности. И будущее человечества и общества будет во многом зависеть от того, как будет развиваться эта форма собственности.

²⁶ Более подробно см.: Dellheim J., Wolf F.O. Can “Commonification” Be Used As an Alternative to “Commodification”? A Report on a Debate on What Can Be Achieved by “Going Along with the Ostroms” // *International Journal of Pluralism in Economics Education*. 2015. No. 6/1. P. 82–99.

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

 t.me/valdaiclub

 [ValdaiClub](#)

 [valdaiclubcom](#)

valdai@valdaiclub.com